

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца 5 франк.
» 2 мѣсяца 3 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

1 и 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденции въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1-ое ФЕВРАЛЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Петербургскій калейдоскопъ и московскіе «машинники». — 2) Крестьянскіе гласные въ Кологривскомъ земскомъ собраніи (корреспонденція «Вольнаго Слова»). — 3) Письма пѣз Австрійской Украны, II. — 4) Восемнадцатъ лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ, III. З. С. 5) Послѣдніе крестьянскіе митинги въ Австріи, II—III. В. Мак. — 6) Новѣйшіе подходы къ социальному вопросу, II, Argus. — 7) Рабочій день и фабричное законодательство. В. Г. — 8) Изъ бумагъ редакціи «Колокола»: I. Иркутское письмо М. А. Бакунина къ А. Н. Герцену. — 9) Извѣстія и замѣтки: Голодный протестъ въ Одесской тюрьмѣ. — Прокламація въ Одессѣ. — О студенческихъ волненіяхъ въ Казани. — Русская полиція въ Румыніи. — Толстой Христосъ и Толстой-Каафа. — Судъ русскихъ газетъ о Гамбеттѣ. — Лионскій процессъ такъ наз. интернаціоналистовъ-анархистовъ.

Женева, 1 февраля 1883.

Изъ Петербурга опять идутъ вѣсти о томъ, что стеклышки придворно-административнаго калейдоскона опять завертѣлись. Говорятъ, что тамъ предетонть смѣна не только г. Набокова и Вунге, но и г. Толстого и даже г. Побѣдоносцева. На мѣсто г. Толстого будто бы имѣются кандидаты: ген. Дренгельтъ или князь Дондуковъ-Корсаковъ. Другіе говорятъ, что царь изъявилъ желаніе совѣтоваться съ триадою г. Лорисъ-Меликова, г. Дм. Милютина и г. Абазы, если еще не вручить имъ правленіе. Наконецъ увѣряютъ, что будто бы имѣется въ виду, по удаленіи г. Толстого, образовать «дѣловой», не-политическій кабинетъ, который-де будетъ переходомъ къ «политическому» кабинету — г. Игнатъева. (Интересно было бы посмотреть на «дѣловаго» человека, который бы номѣтился между такими двумя кабинетами: — храни-бездѣльнымъ и болтливо-бездѣльническимъ!)

Должно быть въ этихъ вѣстяхъ о возвращеніи петербургскаго калейдоскона есть какая нибудь доля правды, судя по тому, что Эгерія г. Толстого, г. Катковъ сталъ ворчливѣе и недоволенъ правительствомъ, недоволенъ и произнесеніи истинно «крамольническихъ» рѣчей. Познакомый съ истиннымъ ходомъ дѣлъ въ Россіи и слышавшій, что въ Россіи правительство самодержавное, даже удивится, какъ это г-ну Каткову сходятъ его крамольныя рѣчи.

Въ самомъ дѣлѣ, — прочтите, напр., распоряженіе о закрытіи «Страны», написанное, кстати сказать, съ небывалою обстоятельностью, показывающее, что оно писалось не столько для публики, среди которой врядъ ли практично было для г. Толстого распространять посредствомъ «Правительственнаго Вѣстника» идеи запрещаемой газеты, сколько

ко для царя, которому надо было показать, отъ какой крамолы спасаетъ его бдительный министръ. Оказывается, что «Страна» запрещена за то, что она стремилась «представить общее положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ въ самомъ безотрадномъ видѣ», что въ первомъ номерѣ этой газеты «съ непозволительною дерзостью заявляется объ отсутствіи въ сферахъ управляющихъ искренности и сколько нибудь рациональныхъ, приведенныхъ въ систему идей, о господствѣ у насъ правительственнаго бездѣйствія и общественнаго недоумія». Посмотрите же теперь финалъ передовой статьи въ 5 №-рѣ «Московскихъ Вѣдомостей», вышедшей въ тотъ самый день, когда подписано было г. Толстымъ распоряженіе о закрытіи «Страны», — и вы увидите, какъ газета г. Каткова, похваливъ Германію за то, что у нея «есть правительство, которое не становится игрой интригъ, которое знаетъ, что хочетъ, и дѣйствуетъ съ неуклонною послѣдовательностью», заявляетъ, даже не косвенно, а прямо, что въ Россіи правительство не знаетъ, чего хочетъ, и даже пѣчто худшее. Начинаетъ г. Катковъ, конечно, съ «ингиллистовъ», — но зло видитъ не въ нихъ, а въ самомъ правительствѣ. Ингиллисты, говоритъ онъ, не то что пѣмецкіе социаль-демократы; ингиллисты «искусственно сфабрикованы изъ школьной молодежи въ цѣляхъ темной, злоумышленной интриги, враждебной русскому государству. Это главнымъ образомъ заключается не въ ингиллизмѣ, а въ томъ, что все русское интеллигентное, или попросту сказать, умѣющее читать общество въ Россіи находится подъ постояннымъ, ежедневнымъ, невозбратнымъ дѣйствіемъ того же злоумышленного обмана, который держитъ для своихъ цѣлей и шайку ингиллистовъ. Зло въ томъ, что общество деморализовано, не видя ни въ законодательственныхъ мѣрахъ, ни правительственныхъ дѣйствіяхъ руководящего для себя начала. Общество посяигивается и направляется государствомъ. Если народъ не чувствуетъ твердыхъ указаній для себя и держится то въ одну сторону, то въ другую, въ немъ никнетъ духъ, и онъ легко потомъ становится жертвой всякаго обмана...» (Многоточіе принадлежитъ самимъ «М. В.».)

Гдѣ интрига? Г. Катковъ ясно не говорить, а только намекаетъ — и намекаетъ довольно противорѣчиво. Что «ингиллисты» (въ значительной степени, по крайней мѣрѣ) сфабрикованы искусственно изъ учащейся молодежи,

— это теперь говорится и въ «ингиллистическихъ» признаніяхъ, — и намъ самимъ не трудно было бы доказать, что «ингиллисты» въ значительной степени сфабрикованы г. Шуваловымъ, Потаповымъ, Тимашевымъ, Толстымъ и т. д., какъ равно и то, что въ ноябрѣ и декабрѣ прошлаго года гг. Толстой и Делиновъ, во время студенческихъ волненій, «фабриковали ингиллистовъ». Но, очевидно, г. Катковъ хотѣлъ указать не на этихъ фабрикантовъ, а на какіхъ то другихъ, на какую то другую интригу (ипогда г. Катковъ зоветъ ее рукою), которая «фабрикуетъ и держитъ для своихъ цѣлей ингиллистовъ». Мы могли бы сказать, что со стороны г. Каткова, по меньшей мѣрѣ, очень не великодушно, что онъ, твердя 20 лѣтъ о томъ, что знаетъ такую «Руку — Интригу», не называлъ ее прямо по имени и отчеству, а все только намекалъ на нее, если бы мы не знали, что разговоры г. Каткова о таинственной «Руцѣ-Интригѣ» ничто иное, какъ только пріемъ, рассчитанный на слабыя мозги людей извѣстныхъ сферъ, а потому обратимся ко второму его намеку. Этотъ намекъ, заключающійся въ словахъ о ежедневно читающей публикѣ, указываетъ какъ бы на то, что «Рука-Интрига» проявляетъ себя въ печати, будто бы «невозбранно-дѣйствующей». Но и печать слишкомъ многорука, чтобъ быть ей самой «Рукой-Интригой». Во всякомъ случаѣ, если намекъ г. Каткова о «Руцѣ-Интригѣ» и темны, то «безотрадный» взглядъ его на правительство вполне ясенъ въ концѣ приведенной тирады: правительство не только не имѣетъ руководящихъ началъ, но даже держитъ народъ то въ одну сторону, то въ другую! Помилуйте, — да сама «Страна», — невозбранно приостановленная на 4 мѣсяца, — не позволила себѣ выразиться сильнѣе! За что же «Страну» запретили, а «Моск. Вѣд.» нѣтъ?!

За то ли, что «Страна», послѣ своихъ безотрадныхъ словъ объ «управляющихъ сферахъ», представляетъ въ безотрадномъ видѣ и «ничтожество образованнаго общества, не рѣшающагося энергически дѣйствовать для доставленія торжества своимъ идеямъ», тогда какъ г. Катковъ, повидному, не предполагаетъ никакого самостоятельнаго дѣйствія для общества, которое, по его словамъ, всегда «воспитывается и направляется государствомъ»? Но г. Катковъ далеко не простъ: конечно, и ему и его поклонникамъ приходится въ голову мысль: какъ же сдѣлать, чтобъ госу-

дарство направляло общество на пользу России, а не на вред, чтобы оно хоть не держало Россию изъ одной стороны въ другую, а тѣмъ паче, чтобы не становилось орудіемъ Руки-Интриги (Обманъ тожъ), которая «держитъ для своихъ цѣлей» п «нигилистовъ»? Неужели же имъ не приходитъ въ голову другого средства, кромѣ возведенія на тронъ самого г. Каткова!? Это средство было бы уже слишкомъ просто, — просто до глупости, ибо по смерти г. Каткова пришлось бы опять искать (и кому?) новаго государственнаго Аппса! Чего же хочетъ московскій пророкъ, «ежедневно невозбранно» произносящій о правительствѣ фразы гораздо сильнѣе тѣхъ, какія въ «Странѣ» признаются «непозволительно дерзостью»?

Однако, чего же хотите и Вы? — чего добраго, спросить насъ—неужели Вы, волею словъ, желаете, чтобы г. Каткову было возбранено издаваніе его газеты? — Ни мало!

Пока по данному случаю мы ничего не хотѣли бы, кромѣ установленія и въ обществѣ, и въ управляющихъ сферахъ мнѣнія о г. Катковѣ, принимающемъ вотъ уже столько лѣтъ видъ пророка, какъ о человѣкѣ, который не имѣетъ за душою ровно никакой политической идеи и ничего опредѣленнаго, постояннаго, кромѣ личнаго самолюбія, которое заставляетъ его не только произносить чисто отрицательнаго, вполне нигилистическаго, характера рѣчи, но даже переиживать маски, смотря по времени. Послѣднее не разъ говорилось уже о г. Катковѣ въ противной ему русской печати, которая указывала на два періода дѣятельности московскаго публициста: англomanско-парламентскій до петербургскихъ пожаровъ 1862 г. и польскаго возстанія 1862—63 г., и московско-полицейскій — послѣ. Но и это указаніе не полно. Московскій пророкъ и во второмъ своемъ періодѣ переиживалъ по нѣскольку разъ маски.

Вотъ, напр., теперь онъ громитъ либерализмъ съ парламентаризмомъ и свободою печати и на дняхъ еще приравнивалъ сѣтованія русскихъ писателей на цензурныя стѣсненія къ жалобамъ воровъ на бдительность полиціи. А загляните, напр., въ «Московскія Вѣдомости» даже 1864 г. — и вы найдете тамъ, въ 27 №-рѣ, слѣдующія удивительныя вещи:

«Въ Финляндскій сеймъ, — говоритъ эта газета, — внесенъ новый проектъ закона о печати. По этому проекту печать въ Финляндіи освобождается не только отъ предварительной цензуры, но и отъ административнаго контроля, и подчиняется единственно суду, — т. е. освобождается вполне. Намъ пріятно вспомнить при этомъ, что освобожденіе печати не будетъ новою привилегіею Финляндіи: подобную же реформу правительство давно уже предположило и для русской печати. Какъ слышно, новый проектъ объ этомъ будетъ внесенъ для обсужденія въ государственный совѣтъ. Наше правительство, — продолжаютъ «Московскія Вѣдомости», — очевидно желаетъ дать эту льготу равномѣрно всѣмъ подданнымъ русской державы, и никакъ не устранять отъ нея тѣхъ, на комъ основана вся сила и значеніе русской державы. Законъ, опредѣляющій свободу печати, не можетъ быть разный въ разныхъ частяхъ одного и того же государства. Печать не есть чисто-мѣстный интересъ; она объединяетъ собою всѣ интересы. Законъ о печати есть одинъ изъ основныхъ элементовъ государственнаго права. Если въ одной части государства онъ будетъ дѣйствовать такъ, а въ другой части того же государства иначе, то неизбежнымъ послѣдствіемъ такого разногласія въ столь существенномъ пунктѣ непремѣнно произойдутъ самыя серьезныя замѣша-

тельства. Намъ кажется, что значеніе льготы не измѣнилось бы оттого, еслибы она пропущена для Финляндіи изъ одного источника и однимъ путемъ съ остальною Россіей. Теперь нельзя предвидѣть, какія основанія приметъ наше правительство для закона о печати въ цѣлой Россіи; но, по всему вѣроятію, основанія новаго закона о печати будутъ для всей Россіи не менѣе удовлетворительны, чѣмъ для отдѣльной Финляндіи. Что можетъ удовлетворить Россію, то, конечно, можетъ удовлетворить и Финляндію. Что безопасно для государственнаго интереса въ Финляндіи, то въ тысячу разъ безопаснѣе въ Россіи. Нельзя, однако не отдать справедливости истинно либеральному духу, который выразился въ проектѣ, вышедшемъ изъ рукъ финляндской администраціи и внесенномъ теперь въ сеймъ. Всѣ заботы составителей проекта направлены къ тому, чтобы оградить честь и интересы частныхъ лицъ отъ злоупотребленій печати. Государственный интересъ признается въ Финляндіи совершенно безопаснымъ и не требующимъ никакихъ особыхъ мѣръ для огражденія его съ этой стороны. Только въ одномъ пунктѣ финляндскій законъ оказывается крайне неллиберальнымъ. Онъ даетъ свободу финляндскому уроженцу высказываться только на шведскомъ и еще на финскомъ языкѣ; по для русскаго языка онъ не допускаетъ свободы ни въ какой степени, ни въ какой мѣрѣ. Въ Финляндіи есть люди русскіе; въ Выборгской губерніи ихъ много; но если бы кто-нибудь изъ нихъ захотѣлъ издавать газету или журналъ по-русски, то посредъ полной, почти безусловной свободы, которая предоставляется шведской и финской печати, русскій человѣкъ, съ своимъ русскимъ языкомъ, остается подъ цензурой, остается единственно потому, что онъ русскій и желаетъ говорить по-русски. Онъ остается несовершеннолѣтнимъ и неополноправнымъ. Чтобы стать самостоятельнымъ и свободнымъ, онъ долженъ обратиться или въ шведа, или въ финна. Вотъ какаго выходитъ странность: званіе русскаго въ предѣлахъ русскаго государства становится символомъ гражданской неполноправности! И есть еще люди, — продолжаютъ Московскія Вѣдомости, — которые хмурятся, слыша о намѣреніи нашего правительства освободить печать въ нашемъ отечествѣ! Есть люди, которые, будто бы изъ консервативныхъ видовъ, указываютъ на неспособность и незрѣлость русскаго общества для политическихъ льготъ! Боже мой! Когда же разсѣется этотъ туманъ, который застилаетъ глаза даже благонамѣреннымъ людямъ! Намъ приходится читать въ нѣкихъ журналахъ, не отличающихся особеннымъ консервативнымъ духомъ, тѣ же ссылки на незрѣлость русскаго общества. Только роковое недоразумѣніе съ одной стороны и самое злонамѣренное ухищреніе съ другой могутъ поддерживать эту грустную и пагубную мысль въ нѣкоторыхъ умахъ и общественныхъ кружкахъ у насъ».

Вы видите, читатель, что въ 1864 году «Московскія Вѣдомости» подавали голосъ прямо за присоединеніе Россійской Имперіи къ Великому Княжеству Финляндіи съ ея политическими льготами! И это не было увлеченіемъ молодости: г. Катковъ физически и тогда былъ болѣе, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ, и кромѣ того вышелъ уже изъ правдивной молодости русскаго публициста конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Но и въ 1864 г. еще продолжался въ Россіи напоръ либеральныхъ стремленій снизу и еще не изсякли либеральныя поноздновенія у трона, между прочимъ потому, что поддерживать ручей ихъ требовалось по условіямъ внутренней и внешней политики: еще не было окончательно сломлено польское движеніе, — и при этомъ даже нѣкоторые противники сепаратистическихъ стремленій поляковъ, напр., дворяне многихъ губерній, подавали адреса о цѣлости государства, выражали и конституціонныя стремленія, — еще не затихло сочувственное Польнѣ движеніе въ Западной Европѣ, — и правительство считало нужнымъ показать, что оно въ

сущности прогрессивнѣе и даже либеральнѣе польскихъ повстанцевъ и не только не дѣлаетъ «впадать въ реакцію», но желаетъ неуклонно продолжать освободительныя реформы, которыми-де предназначено развивать все дальнѣе и дальнѣе, — о чемъ обо всемъ правительство и объявляемо не только въ Мелютинскомъ «Русскомъ Иваландѣ», но и въ Валуевской «Сѣверной Почтѣ». Еще осенью (6 сентября 1863 г.) самъ царь съ выноса трона, обращаясь къ финляндскому сейму (который, впрочемъ, онъ надумался созвать только на 8-ой годъ своего освободительнаго царствованія) съ словами, — что «въ рукахъ народа много либеральныхъ учрежденій не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія», — и хоти и оговаривая послѣ словъ: «народа мудраго» — опредѣленіемъ: «готового дѣйствовать за одно съ своимъ государемъ съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія», — по давалъ право думать, что тутъ идетъ дѣло о государѣ тоже на столько мудромъ и съ практическимъ смысломъ, чтобы дѣйствовать за одно съ своимъ народомъ для улучшения и своего благополучія.

Такъ вотъ въ такія то времена и г. Катковъ считалъ нужнымъ, въ перемежку съ полицейскими выкриками, провозглашать и явно либеральныя рѣчи, въ родѣ вышеприведенныхъ выше. При этомъ, кромѣ оглядовъ на либеральную струю при дворѣ, онъ руководствовался еще и надеждами, которыми внушилъ ему выраженія сочувствія со стороны тогдашнихъ консерваторовъ и брѣвоставовъ за его національно-централистическія и противукрестьянскія тенденціи, надеждами, что при либеральныхъ учрежденіяхъ его вліяніе, по крайней мѣрѣ, еще болѣе будетъ обезпечено. Когда же, наконецъ, при дворѣ взяла верхъ открытая реакція, г. Катковъ не находилъ уже нѣкими рѣчей, въ родѣ вышеприведенныхъ, — остался при однихъ полицейскихъ возгласахъ, усиливая ихъ по мѣрѣ усиленія реакціи. Въ время Лорисовскихъ вѣяній, на Пушкинскихъ праздникахъ, и г. Катковъ попробовалъ сдѣлать поворотъ къ либеральнымъ нотамъ: но вѣянія оказались мыльнымъ пузырями, — а когда и они лопнули, какъ и слѣдовало ожидать, и когда на тронѣ не оказалось ничего, кромѣ страха «нигилизма» съ динамитомъ, г. Катковъ окончательно пристроился къ этому страху и эксплуатировалъ его съ мыслями безцеремоннымъ образомъ.

Будущій историкъ, обозрѣвая дѣятельность этого совершенно безпринципнаго человека, изображалъ популярность, какую онъ имѣлъ одно время среди, во всякомъ случаѣ, значительной части русскаго общества, и затѣмъ нравственную диктатуру его въ правительственныхъ сферахъ, — будетъ пораженъ тѣмъ степенью позора, какой долженъ падать на тѣхъ, кто могъ слѣдовать за этимъ человекомъ. Конечно, исторія петербургскаго двора богата позорными страницами, но преслѣдованіе его передъ г. Катковымъ составило значительную по своей мрачности страницу даже въ этой исторіи. Все на свѣтѣ должно имѣть свои границы, — даже и ограниченность русскаго самодержавія!

Отъ парочки, г. Каткова и его орудія, г. Дм. Толстого, — который, какъ показано въ №-рѣ «В. Слова», въ эпоху дворцоваго дви-

рализма тоже писалъ либеральныя вещицы на французскомъ языкѣ и у котораго тоже пѣтъ ничего постоянного, кромѣ духа интриги и несправедливости къ мужику, — естественнѣе переходъ къ другой московской Эгерин, г. Ив. Аксакову, съ его Нумой Помпильемъ, гр. Игнатъевымъ, который опять угрожаетъ всплыть на верхъ въ петербургскомъ калейдоскопѣ. Намъ не трудно было бы показать, какъ и г. Аксаковъ мѣнялъ костюмы и какъ и онъ подвигался отъ арлекинской либерально-пародическо-поповско-полицейской нестроты къ чисто-полицейскому мундиру, — но г. Аксаковъ, кажется, производилъ свои маскарады болѣе по простотѣ, чѣмъ по расчету, а потому мы на сей разъ оставимъ его въ сторонѣ — и займемся его Нумою.

Этотъ, конечно, не просто — и оригинальнымъ образомъ соединяетъ черты легкости Ноздрева и Хлестакова съ расчетомъ Чичикова. Многимъ было извѣстно, что онъ не прочь отъ ряженія во всякія политическія маски, — но въ печатаемомъ дальше письмѣ Бакунина къ Герцену читатель найдетъ новыя наглядныя указанія на то, черезъ какое либеральное ряженіе перешелъ и этотъ человекъ въ началѣ 60-хъ годовъ. Прочтите въ письмѣ Бакунина программу Муравьева Амурскаго, которую раздѣлялъ и Игнатъевъ, — программу, правда, неконституціонную относительно верховъ государства, но очень либеральную относительно его низовъ, — и сравните ее съ тѣмъ, что дѣлалъ гр. Игнатъевъ во время своего визирата. И напрасно бы кто сталъ думать, что гр. Игнатъевъ просто хлестаковствовалъ передъ Бакунинымъ въ Иркутскѣ. Хлестаковщина сама по себѣ, — но припомнимъ, что дѣло идетъ о томъ времени, когда Александръ II самъ читалъ «Колоколъ», а Ростовцевъ въ комисіи по крестьянскому дѣлу включалъ «Колоколъ» въ число пособій для изученія этого дѣла, и когда не только молодые, но и пожилые карьеристы, словно «перелеты» времени Вас. Шуйскаго, считали долгомъ «забѣжать» и передъ Герценомъ. Во всякомъ случаѣ либеральничанье помогло началу карьеры ген. Игнатъева, что не помѣшало ему, какъ оказывается изъ воспоминаній Андрея Муравьева, занять видное мѣсто въ интригѣ, выдвинувшей Муравьева Вѣдателя на мѣсто вилевскаго диктатора. Затѣмъ даже въ константинопольскій періодъ службы гр. Игнатъева проносились по Россіи слухи о его либеральныхъ стремленіяхъ, о которыхъ намекалъ передъ самымъ началомъ послѣдней войны постигшій его г. Суворинъ, свидѣтельствовавшій особенно о его уваженіи къ общественному мнѣнію и печати. А чѣмъ ознаменовалъ свой петербургскій визиратъ гр. Игнатъевъ, между прочимъ, и относительно печати?!

И такіе безпринципные и безцеремонные «машкарники» держать въ рукахъ своихъ судьбу великой страны, ведя ее къ явному матеріальному и нравственному банкротству. Можетъ ли быть зрѣлище постыднѣе этого?!

КРЕСТЬЯНСКІЕ ГЛАСНЫЕ ВЪ КОЛОГРИВСКОМЪ ЗЕМСКОМЪ СОБРАНІИ 1882 Г.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова»).

Въ послѣднюю осеннюю сессію земскаго собранія Кологривскаго уѣзда, Костромской губерніи, произошло одно, — или, если хоти-

те, два, — столкновеніе между гласными крестьянскими и помѣщичьими, а также съ представителямъ духовенства. Эти столкновенія кажутся намъ очень поучительными во многихъ отношеніяхъ, — а потому мы и представимъ ихъ съ возможною обстоятельностью.

Почти на каждомъ земскомъ собраніи слышались сѣтованія гласныхъ землевладѣльцевъ на то, что ежегодно изъ всей суммы земскихъ доходовъ до 25% поглощается медицинскою частью и пародичнымъ образованіемъ, т. е. статьями расходовъ, касающихся почти исключительно сельскаго крестьянскаго населенія. Долго выносили крестьянскіе гласные всѣ эти попреки, но наконецъ и ихъ терпѣніе лопнуло. Гласные отъ крестьянъ заявили, что дѣйствительно всѣ эти расходы идутъ на ихъ избирателей, но что упреки раздаются съ той стороны, которая всю податную тяжесть взвалила на крестьянскую шею. 652.680 десятинъ владѣльческихъ земель, сказали они, платятъ налоговъ 24.560 р., тогда какъ 195.778 десятинъ крестьянскихъ вносятъ 23.670 рублей. Единственное богатство въ уѣздѣ — продолжали они — лѣса, которые почти всѣ въ рукахъ личныхъ владѣльцевъ, а цѣпность и доходность лѣсныхъ дачъ показаны ничтожными. Доходность выведена въ 18 коп. съ десятины, а между тѣмъ положительно извѣстно, что десятина, поросшая лѣсомъ дровянымъ, даетъ чистаго дохода по меньшей мѣрѣ 1 руб. 25 к. Такимъ образомъ оказывается, что бѣдныя угнетенныя землевладѣльцы оцѣнили свои земли въ 7 разъ менѣе самой дешевой оцѣнки. Въ заключеніе гласные крестьяне просили приступить къ болѣе правильной оцѣнкѣ земель. Ходатайство это не было удовлетворено — за недостаткомъ времени.

Въ этомъ же собраніи произошелъ слѣдующій эпизодъ. Одинъ изъ гласныхъ священниковъ поднялъ вопросъ объ упадкѣ въ народѣ нравственности, «значительно поколебавшейся въ самомъ основаніи, вслѣдствіе ложно понятой имъ высочайше дарованной свободы». — «По уничтоженіи крѣпостничества, крестьяне, прежніе рабы... очутились на своей волѣ безъ необходимой къ тому нравственной поддержки, безъ вліятельныхъ, разумныхъ руководителей, предоставленные самимъ себѣ, отчего воля обратилась въ своеволие, произволъ, нравственную распущенность» и прочіе пороки. Далѣе, гласный священникъ въ своей запискѣ перечислялъ всѣ эти пороки и въ заключеніе указывалъ на необходимость усилить «нравственное вліяніе духовенства», достигнуть же этого можно чрезъ пастырскія собесѣдованія, для чего и просилъ у земства назначить денежное вспомошествованіе въ поощреніе трудовъ лицамъ, имѣющимъ потрудиться въ столь святомъ и полезнѣйшемъ дѣлѣ. Батюшка доставилъ даже программу собесѣдованій, на которыхъ народъ долженъ былъ расшѣвлять молитвы и патріотическіе гимны. Заявленіе священника встрѣтило сочувствіе въ средѣ гласныхъ землевладѣльцевъ, не желавшихъ только расходовать деньги на это. Но и тутъ это согласіе было нарушено мужикомъ, но необразованности своей, принявшимся называть всякую вещь своимъ именемъ.

Гласные крестьяне подали записку, въ которой высказываютъ горячее желаніе улуч-

шить свою жизнь, нравственное развитіе и сожалѣніе, что достигнуть этого при помощи священниковъ они не имѣютъ никакой возможности. «Рѣдкій священникъ, посѣщая крестьянина, говоритъ записка, толкуетъ ему о добрыхъ дѣлахъ и христіанской вѣрѣ, а больше старается получить за свой трудъ и поскорѣе уйти изъ дому». Далѣе, въ запискѣ крестьяне заявили, что они также видятъ пользу отъ предложенныхъ собесѣдованій по, только тогда, когда священники перестанутъ «только стараться собирать сокровища для своей жизни». Если же священники, какъ теперь, «объ общей пользѣ народа не будутъ думать, то и толку изъ собесѣдованій не выйдетъ никакого».

Такъ предложеніе гласнаго священника, хотя и было одобрено собраніемъ, но совершенно платоническн, ибо денежнаго вспомошествованія для этой цѣли ассигновано не было.

ПИСЬМА ИЗЪ АВСТРІЙСКОЙ УКРАИНЫ.

II.

Приступая въ 52 №-рѣ къ передачѣ читателямъ нашимъ содержанія писемъ, полученныхъ нами изъ Австрійской Украины, мы замѣтили, что въ послѣднее время всѣ классы населенія этой страны заняты были вопросомъ о возможности войны съ Россіей, а также переменною львовскаго (уніатскаго) митрополита. Прежде чѣмъ приступить къ передачѣ писемъ специально объ этомъ послѣднемъ, надо сказать два слова о сущности этого дѣла.

Иосифъ Сембратовичъ, митрополитъ львовскій, — человекъ не умный, слабохарактерный, уступчивый официальнымъ вліяніямъ, усердный ультрамонтанъ и потому наклонный къ уступчивости и официозному полонизму, — въ послѣднее время, въ виду страховъ ирравославія, будто бы наступающаго на Галицію изъ Россіи, и въ виду сознанной въ Римѣ и въ Вѣнѣ необходимости усилить католическо-польское давленіе на уніатскую церковь, — все же былъ въ официальныхъ сферахъ признанъ неудобнымъ для своего мѣста и, по настоятельной просьбѣ императора, оставилъ его, выговоривъ себѣ однакожъ крупную пенсію. вмѣстѣ съ нимъ удалены были изъ консисторіи и два члена, пріобрѣтшіе у польскихъ официозовъ репутацію москвофиловъ, тогда какъ они были только сторонниками старо-уніатской обрядности съ ея языкомъ и политическими противниками полонизма, особенно въ то время, когда и центральное правительство относилось къ нему неблагоклонно. Должность митрополита еще не замѣщена окончательно, — а временно поручена выкарію, Сильв. Сембратовичу, — человеку, принадлежащему къ болѣе молодому поколѣнію галицкаго духовенства, а потому болѣе благосклонному къ новшествамъ, въ томъ числѣ и къ допущенію народнаго языка въ церковь (при его участіи издавъ, напр., переводъ молитвъ), вслѣдствіе чего онъ списалъ благосклонность галицкой партіи, называющей себя «народовцами» и называемой «украинцами» или «украинофилами».

Какія послѣдствія должна имѣть отставка Иосифа Сембратовича, еще нельзя сказать опредѣленно. По первымъ признакамъ казалось бы, что она должна была знаменовать